

Супрун Светлана Васильевна,

кандидат филологических наук,

доцент кафедры философии, культуроведения и социальных коммуникаций,

ФГБОУ ВО КГУФКСТ,

г. Краснодар

**ТЕМАТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА
ЭМИГРАНТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 1920 – 1940 Г.Г.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ)**

Аннотация. В статье обзорно рассматривается своеобразие тем литературы русского зарубежья «первой волны» эмиграции (1920 – 1940 гг), дана краткая характеристика особенностей представленной тематики.

Ключевые слова: литературная критика, литература русского зарубежья, религиозно-философская критика, тема, интерпретация.

Рассматривая литературу русского зарубежья, можно с уверенностью говорить о «доступной здешним писателям роскоши тематического многообразия» [1, с.19]. Как верно заметил М. Алданов, «без тем не остался никто» [5, с.297]. Разнообразие тематики, как отражение жизненных явлений художественно осмысляемых в произведениях, поистине неисчерпаемо: тема русской интеллигенции; свободы личной и общественной; мир детства; война и революция; память; время и безвременье; историческая эпоха; судьба художника и его роль в искусстве; эмиграция и многие другие. Однако все эти темы кажутся «незначительными» по сравнению с глобальными темами, имеющими не только художественное, но и широкое общественно-политическое звучание. При всем многообразии тематики, глубине затронутых проблем в русском зарубежье преобладали три основные темы: дореволюционная Россия

(переживаемая почти как «Святая Русь»), кровавые годы революции и эмигрантская повседневность.

Для русского человека, пусть и эмигранта, главным всегда остается отношение к России, чувство родины. Общий настрой большинства произведений литературы русского зарубежья выразил С. Горный, опубликовавший заметки «Свое и чужое», «На родине», от которых «повеяло домом и жизнью обожаемою. И лаской просимою. И любовью» [5, с.193]. Как писал исследователь русского зарубежья А.Л. Афанасьев: «Главенствующая тема эмигрантской литературы первой половины двадцатых годов – апофеоз грядущей России» [4, с. 16]. «Грядущая Россия» - именно так назывался и первый «толстый» литературный журнал русского зарубежья.

В эмиграции тема России приобрела особую остроту, окрасилась в безысходные тона, ставшие специфической чертой литературы зарубежья.

Открытие «чудеснейшего лика России» стало главной темой в творчестве И. Шмелева. Высшим достижением художественного таланта И. Шмелева редакция газеты «Россия и славянство» считала «воспоминательную» прозу писателя – «Родное», «Лето Господне», «Богомолье», от которых веет русским духом («Россия и славянство», 1933, июнь). Следование заветам классической литературы, проявление «большой художественной традиции» увидел в его романах И.А. Ильин: «...вся атмосфера шмелевских романов вплеталась в интонационный, ритмический строй, в стилистику классической прозы. Чуткость к подспудной сущности человека, постижение ее означает следование лучшим образцам классической прозы» [3, с. 237].

В отличие от множества «поклонников» И. Шмелева, «демонстративно связывающих его творчество с Россией», Г. Адамович увидел в патриотизме писателя «назойливое» ощущение родины, декоративность «шмелевского склада»: «Патриотизм – «струна», на которой играть легко, особенно теперь, после всех русских несчастий и невзгод. Но именно после всех несчастий и

невзгод русские сознания, казалось бы, слишком настороженны и встревожены, чтобы удовлетвориться обращением к прошлому, притом в приукрашенном виде» [1, с. 34].

Тема России преобладала в творчестве Б. Зайцева: «Зайцев сострадателен к миру, пассивно-печален при виде его жестоких и кровавых неурядиц, но и грусть, и сострадание обращены у него именно к миру, а не к самому себе. Большею частью обращены к России» [1, с. 74].

С темой России неразрывно связана тема христианства (Бога, духовного поиска, веры). С одной стороны, развитие православной тематики обусловлено русским духовным ренессансом «серебряного века», синтезом религии и культуры, церкви и общественности, нравственности и права под знаком христианского гуманизма. С другой стороны распространённость христианской тематики в литературе русского зарубежья отвечала задачам сохранения отечественных духовных ценностей, накопленных столетиями. Приверженность литературы зарубежья христианству Г. Адамович считал глубочайшей движущей духовной силой нового времени: «Думаю, что резюмировать этот сложный, смутный, наполовину безотчетный и ускользающий от точных определений процесс, можно было бы, сказав, что эмигрантская литература сделала свое дело потому, что осталась литературой христианской» [1, с. 21].

Православной тематикой и проблематикой в рамках литературно-художественного процесса занимались представители религиозно-философской критики. Поэтому в литературно-критических публикациях преобладал дух христианской религиозности. При этом возрождение религиозного интереса было не просто данью поверхностной моде, а результатом глубокого сдвига в умонастроении, связанном с кризисом рационализма, со стремлением в противовес бездуховности советской культуры обозначить зарубежье как место духовных исканий: «Именно поэтому здесь, в эмиграции, само собой, в противовес московскому обскурантизму, возникло усиленное

внимание к этим «вопросам». Это оказалось естественной потребностью, это наше важнейшее здесь дело, недостаток верности которому был бы непростителен. Это прежде всего – верность России» [1, с. 365]. Сама жизнь вынуждала представителей искусства к осмыслению духовных основ общества, роли народа в свершившихся событиях, к стремлению понять русскую революцию. Проблемы интерпретации произведений они рассматривали с философско–религиозной методологической точки зрения.

Существовало достаточное количество литературно-критических статей, с явно выраженной конфессиональной окраской, выдержанные в духе «православного литературоведения», рассматривающих тему христианства, от совсем реформаторских (Плетнев о Достоевском) до содержательных (С. Франк о Достоевском). Впрочем, содержание большинства статей сводилось к простому доказыванию того, что лучшее в творчестве того или иного писателя прямо или косвенно ведет к вере во Христа.

Особенно много внимания уделялось творчеству Достоевского: «В нашем нынешнем состоянии, перед лицом неслыханных сатанинских бездн, раскрывшихся на родине и как будто поглотивших всякий образ человеческий, - изнемогая от ненависти к злу и от презрения к слабости, подлости или глупости человечества, его терпящего – в чем ином можем мы искать утешения и черпать бодрость, как не в вере Достоевского...» [7, с. 356]. С. Франк находил у Достоевского «настоящий, подлинный гуманизм – просто потому, что это есть христианский гуманизм, который во всяком, даже низменном и падшем человеке, видит человека, как образ Божий. Во всех прежних формах гуманизма человек должен был являться как-то приукрашенным и принаряженным, чтобы стать предметом поклонения» [7, с.366]. Л. Зандер («Грустный рай» // «Путь», 1928, № 14) находил в пессимистической поэтике Достоевского указание на то, что истинное счастье и истинный рай – во Христе. С. Гессен («Трагедия зла (Философский образ Ставрогина)» // «Путь», 1932, №

36) считал Ставрогина типом совершенного атеиста, близкого к вере в силу своей озабоченности духовными проблемами. Наиболее последователен был В. Зеньковский в своем философском этюде «Проблема красоты в мирозерцании Достоевского» (обработка речи, произнесенной в торжественном заседании в память Достоевского в феврале 1931 года), критиковавший писателя за натурализм и одобрительно отмечавший, что писатель в конце жизни все-таки понял, насколько сама красота находится в плену падшего мира, насколько спасение возможно лишь через церковность, а не через красоту как таковую: «Но красоту в мире надо спасать – и это спасение красоты в мире только и возможно как оцерковление мира и души» [2, с. 278].

К столетию со дня рождения Достоевского была опубликована статья П. Струве «Пророк русского духовного возрождения» («Русская мысль», София, 1921, № 10/12). Определяя время Достоевского как «эпоху русской истории», Струве утверждал, что Достоевский по силе мысли превосходит современную ему историческую эпоху, он словно стоит над историей, ставит вопросы вечные. Будучи великим религиозным мыслителем, писатель воплотил в фигуры и драмы своих произведений то, чем он жил сам.

В своей статье «Демонология и юмор Достоевского», представляющей извлечения из его книги о Достоевском, которую философ тогда писал, В.Н. Ильин сетует, что, несмотря на огромное количество литературы о Достоевском, исследователей его философии очень мало, можно назвать лишь имена Д. Мережковского, А. Штейнберга и Л. Шестова. Работы такого знатока Достоевского, как А.Л. Бём, касаются не столько существа самих идей Достоевского, сколько «их происхождения и развития» («Вестник», 1939, № 2).

В связи с присуждением в 1933 году Нобелевской премии по литературе И. Бунину В.Н. Ильин выступил на страницах журнала «Вестник» со статьей «К особенностям творчества Бунина» (1934, № 1). В очередной раз, используя

конфессиональный подход, он писал о «духоносности» бунинского творчества.

Развитие темы христианства у Ф. Тютчева рассматривал В. Ходасевич в своей статье «О Тютчеве» («Возрождение», 1928, 6 дек.). Поэт-мыслитель, находя утешение в Боге и стремясь к религиозному возвышению над жизненным разладом, «христианство положил в основу тех своих политических воззрений, во имя которых воительствовал, боролся» [8, с. 230].

В литературе зарубежья присутствовали литературно-критические работы, для которых характерны глубокие теоретические изыскания в вопросе об отношении веры и литературного творчества: Г. Федотов «О Святом Духе в природе и культуре» («Путь», 1932, № 35), В. Вейдле «Разложение искусства» («Путь», 1934, № 42), М. Скобцев «Истоки творчества» («Путь», 1934, № 43). Концептуальной в этом отношении является статья В.Н. Ильина «Аскеза и творчество» («Вестник», 1938, с. № 5), которая по своей тематике перекликается с известным сочинением Н.А. Бердяева «Смысл творчества или опыт оправдания человека» (Москва, 1916 год). Рассматривая повесть Н. Гоголя «Портрет», Ильин высказывается в поддержку православно-аскетического образа жизни, особенно необходимого, по его мнению, именно для художника. Предметом исследования Г. Федотова в его известной статье «О Святом Духе в природе и культуре» становится творческое вдохновение и его таинственный, святой источник. В порядке «гаданий», «предчувствий», «непритязательных мыслей» располагает философ свои размышления, устанавливая «ступени боговдохновенности человеческого творчества»: «начало Духа преобладает в художественном творчестве, как начало Логоса – в научном познании» [6, с. 207, 212].

Вместе с тем были в литературной критике русского зарубежья и поверхностные выискивания христианских мотивов, замеры расстояний от Творца до церкви и тому подобное.

В статье В. Зеньковского о Н. Гоголе содержится оценка творчества писателя с позиций русской православной церкви: «Гоголь был пророком русской православной культуры (...), то есть переработки проблем культуры в свете Православия, его учения о свободе, о соборности» [2, с. 152].

Наряду с религиозно-философскими и богословскими статьями, представляющий общекультурный интерес, С. Франк написал большую статью «Религиозность Пушкина» («Путь», 1933, № 40), где первым обстоятельно и аргументировано раскрывает религиозную основу творчества поэта. Духовный мир Пушкина – идеальное выражение русской религиозности, сущности русского народа: «Поэтический дух Пушкина всецело стоит под знаком религиозного начала *преображения* и притом в типично русской его форме, сочетающей религиозное просвещение с простотой, трезвостью, смиренным и любовным благоволением ко всему живому, как творению и образу Божию» [7, с. 214]. К столетию со дня кончины первого русского национального поэта В. Зеньковский помещает в журнале свою статью «Памяти Пушкина» («Вестник», 1937, № 1-2), в которой содержатся ценные суждения о творческой силе русского духа, пронизывающего все пушкинские творения, о «русской идее», которую исповедовал Пушкин.

Среди современников, в творчестве которых прозвучала нота православного миропонимания, литературные критики русского зарубежья выделяли Б. Зайцева. В.Н. Ладыженский называл его самым христианнейшим писателем того времени («Возрождение», 1927, 17 окт.). Глубоко лиричная проза Б. Зайцева, окрашенная светлыми тонами веры и любви, неизменно покоряла читателей. Адамович писал: «Конечно, для него христианство прежде всего – «мир», а не «меч», и, вероятно, даже по отношению к тем историческим драмам, свидетелями которых нам суждено было стать, его внутренняя позиция много сложнее и противоречивее, чем представляется на первый взгляд.

Между «непротивлением злу» и «оком за око», он облюбывал особое, свое место» [1, с. 78].

Вне религии немислимо не только художественное творчество, но и религиозно–философская критика Д.С. Мережковского.

Словно подводя итог развитию православной тематики в литературе зарубежья, Адамович в своих комментариях утверждал, что «русский духовный мир богат, своеобразен, противоречив и сложен и что рано или поздно новые русские поколения должны будут это драгоценное наследие принять как именно им завещанное» [1, с. 149].

Темой, объединяющей все издания русской эмиграции наряду с темой России, по разному обыгрывающейся в статьях и эссе, была тема памяти, прошлого: «Добрая половина всего того, что составляет эмигрантскую литературу, посвящена рассказам о прошлом. Несомненно, эмигрантская «тема» - если признать, что она существует и существовать должна, - в известной мере с воспоминаниями связана» [1, с. 74]. З. Гиппиус в связи со своими парижскими воскресными вечерами («Встречи и свобода» // Встречи, 1934, № 2) вспоминает о вечерах в Петербурге в своем доме, об их «духе свободы» и рассматривает их как предсторические встречи, послужившие своеобразным «предисловием». В своей статье «Время памяти» М. Кантор считал все образные сравнения, метафоры, метонимии, представленные в творчестве Сирина мнемонического происхождения («Встречи», 1934, №3). Тема памяти у Ю. Терапиано проникает в его «Литературные сны»: он вспоминает, что в 1926 году ему приснилась встреча с Тютчевым и Пушкиным, читавшем «Для берегов отчизны дальней».

Тема памяти как пересмотра прошлого, давнего и близкого, уточнения репутаций и канона представлена в статьях М. Горлина «К столетию «Русских ночей», Г. Адамовича «Памяти А. Белого», в эссе Г. Газданова «Литературные признания».

Литературу русского зарубежья, находящуюся «на перепутьи всех времен», живущую прошлым, пронизывает тревожное чувство. Потому так актуальна и так неразрывно связана с темой прошлого тема смерти: «Во всем великом, что людьми было написано, смерть видимо или невидимо присутствует. Она не всегда тема, но она всегда фон, как и в нашем существовании» [1, с. 204]. В художественной прозе тема смерти преобладает в разных формах (убийство, самоубийство, смерть как наказание, возмездие и другое), что создает определенную тональность, передает трагическое мироощущение писателей разного уровня дарования, объединенных общим умонастроением, характерном для эмигрантской среды. К ним примыкают и критики, литературоведы, избравшие темой своих статей «закатные», кризисные явления в литературе и культуре.

Среди них обращают на себя внимание «Поэзия гибели» М. Горлина («Встречи», 1934, № 6), «Сумерки стиха» В. Вейдле (там же, № 3), «Пляска смерти» П. Бицилли (там же, № 4). М. Горлин пишет о феномене давно забытого поэта, который вдруг возникает из прошлого и приходит к нам, как наши современники. В данном случае он имеет в виду Клавдиана, поэта последних дней Рима, создателя странного искусства, исполненного ощущением гибели. В. Вейдле обыгрывает тему смерти, гибели, вырождения как феномен собственно поэзии («Встречи», 1934, № 6). П. Бицилли рассуждает о стихии хорея как о стихии смерти, так, например, в хореической поэзии Г. Иванова он видит преобладающий мотив смерти («Встречи», 1934, № 4). В этом контексте характерны рассказ Ю. Фельзена «Чудо» о судьбе французского инженера, ставшего после фронтового ранения морфинистом и после безнадежных попыток излечиться покончившего с собой; рассказ Б. Поплавского «В горах» о молодом католическом священнике, испытывающем муки любви.

Подводя итоги вышесказанному, можно отметить следующие важные моменты:

**Теория и практика современной науки и образования:
российский и зарубежный опыт**

- В литературе русского зарубежья преобладала тема России. Кроме этого актуальны были следующие темы: христианская, тема прошлого, памяти, смерти, эмигрантского быта и повседневности.

- Спецификой литературы зарубежья было явное, намеренное предпочтение русской тематики (свойственно преимущественно русской эмиграции старшего поколения), что способствовало изоляции и самоограничению русской литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адамович Г. *Одиночество и свобода*. – М.: Республика, 1996. – С. 19.
2. Зеньковский В.В. *Русские мыслители и Европа*. – М.: Республика, 2005.
3. Ильин И., *Творчество Шмелева // Критика русского зарубежья. В 2-х т., Т.1*. – М.: Изд-во АСТ «Олимп», 2002.
4. *Литература русского зарубежья: Антология / под ред. А.Л. Афанасьева. Т. 1 – 6*. – М.: Книга, 1990.
5. *Русский Париж. Сост., предисл. и коммент. Т.П. Буслаковой*. – М.: Изд-во Московского университета, 1998.
6. Федотов Г.П. *Борьба за искусство // Вопросы литературы*. – 1990. – № 1.
7. Франк С.Л. *Русское мировоззрение*. – СПб.: Наука. – 1996.
8. Ходасевич В. *Книги и люди. Этюды о русской литературе*. – М.: Жизнь и мысль, 2002.